

НАТАЛИЯ Н. ЗАПОЛЬСКАЯ
(Università di Mosca)

Грамматика общеславянского литературного языка XVII века: к проблеме интерлингвальной гибридности

В XVI - XVII вв. славянский вопрос имел *конфессиональный* характер, ибо его сутью была идея преодоления духовной "двойственности" славян.

Возвращение славян в единое "духовное пространство", т.е. "собрание" славяно-греческого и славяно-латинского "духовных пространств", мыслилось как важнейший этап в системе моделируемого Римом конфессионального "подчинения" греческого мира латинскому. Подготовка к завершению "глобальной Унии", проводимая миссионерами Конгрегации пропаганды св. веры в православных странах, заключалась в объяснении и обличении "неправильного отношения" друг к другу двух составляющих христианства - православия и католичества. Осознание православными славянами "неправильности", обусловленной разделением церквей, и осознание необходимости преодоления этой "неправильности" было возможно только посредством замены "восточного"-греческого типа просвещения "западным" - латинским типом просвещения. В свою очередь, снятие дистанции между "восточным" и "западным" просвещением было осуществимо только через язык ибо в эту эпоху язык выступал как *способ познания*, т.е. познавая язык, можно было приблизиться к познанию как таковому¹.

Регулятивное положение абстрактного языка в структуре познания мотивировало идею бесконечного *совершенствования* конкретных языков посредством тотальной критики и многомерного анализа. Потенциально являясь сферой критики и анализа, каждый язык призван был стать образцом *функционального* и *формального порядка*. Пропозициональная роль принадлежала *функциональному порядку*, который определял необходимость построения исходной функционально-генетической *иерархии*, задававшей любому языку "свое" место в бытии и истории. Только внутри предустановленного функционального порядка мог реализоваться *формальный порядок*, достигавшийся посредством

своеобразной *селекции* языковых элементов, целью которой была гармония означаемого и означающего. При невозможности достижения гармонии средствами одного языка допускалась поддерживающая *трансляция* элементов из другого, иерархически заданного языка.

Великая утопия создания "абсолютно прозрачного языка", в котором все значения получили бы четкое выражение, не только завоевывала реально существовавшие классические и новые "простые" литературные языки, но и порождала искусственные языки, которые также нуждались в критике и анализе, т.е. в обсуждении и объяснении, исходя из некоторого идеального порядка, которому ни один язык не мог следовать в точности. Идеи просвещения максимально усиливали обязанность "быть прозрачным" в отношении "простых" - реальных и искусственных - литературных языков, поскольку их "однопорядковость" определяла доступность познания для людей "простых", "непросвещенных". Обретая в процессе критики и анализа *достоинство* (dignitas), "простые" литературные языки, наряду с классическими, получали фиксацию в *грамматических сочинениях*, представлявших собой своеобразные *проекты исчерпывающего упорядочивания*.

Таким образом, "пространство встречи" славяно-греческого и славяно-латинского мира, мыслимое как "единение" через "подчинение", сначала должно было стать "пространством правильного языка", чтобы потом стать "пространством правильной веры".

Выразителем идеи создания конфессионально мотивированного "общеславянского" литературного языка можно считать хорвата Ю.Крижанича, известного своими лингвистическими сочинениями "Объяснѣнїе вѣводно о писмѣ словѣнском" (1660-1661) и "граматично изказанїе об рѣском jezыku" (1666) ².

Характеризуя Ю.Крижанича как "вдохновенного проповедника славянского объединения XVII в." исследователи все же отмечают его "лингвистическую загадочность", не позволившую до сих пор решить вопрос о структурно-функциональном статусе декларированного им литературного языка. Вопрос заключается в том, является ли предложенный Крижаничем вариант "общеславянского" литературного языка "полной и равномерной смесью нескольких существовавших в то время славянских языков, или он выдумал большое количество слов, или же он брал будь то хорватский, будь то русский или церковнославянский книжный язык своего времени как основу и главную составную часть" ³. Представляется, что одной из веских причин столь разных суждений о лингвистической деятельности Ю.Крижанича служит недостаточное понимание экстралингвистической и лингвистической мотивации его замысла и, как следствие, недостаточное понимание структуры и функции его литера-

турного языка. Между тем сами сочинения Ю.Крижанича, рассмотренные в духовных координатах своей эпохи, дают некоторую возможность реконструировать логику его лингвистических умозаключений и построений.

Отправной точкой для реконструкции "лингвистической логики" Ю.Крижанича является его собственное обоснование своей будущей миссионерской деятельности в Московской Руси, которую он осмысляет как принципиально *просветительскую*: "Я считаю москвитян не за еретиков или схизматиков (так как их схизма происходит не из настоящего корня схизмы, не из гордыни, а из невежества), я считаю их за христиан, введенных в заблуждение по простоте душевной ... и потому я полагаю, что отправиться для собеседования с ними не значит еще идти проповедовать веру (каковое дело я никогда не помыслил бы взять на себя), а значит лишь увещевать их добродетели к наукам и искусствам, по введении каковых было бы уже более легким делом указать их заблуждение и обман, что и составит задачу уже иных мужей, исполненных добродетелей и вдохновения" ⁴. Считая необходимым "собеседовать" с православными славянами, чтобы "увещевать их добродетели к наукам". Ю.Крижанич следовал тому, что "благенъ Јерѳнимъ велит: Несподобитсе възгорѣжатъ мѣлихъ вѣщєъ безъ кѡвѣхъ велики обстоѣятъ немогутъ" (ГИ, V). Поскольку в деле просвещения "не следует пренебрегать низшими из свободных наук" Ю. Крижанич начал именно с "грамматики", т.е. счел своей главной просветительской задачей "полѣзно дѣло сотворитъ", "ко изправльѣнїю, ко изтежѣнїю, и къ совершѣнїю језїка" ибо только совершенство языка ведет "ко ұразумльѣнїю всѣихъ благовоѣнїихъ отѣускихъ дѣмъ, и дѣши спасѣјущъ совѣтовъ" (ГИ, V).

Однако "включение" в "грамматическое дело" какого-либо языка требовало предварительного функционального осмысления этого языка. В соответствии с требованием функционального порядка Ю.Крижанич представил сначала *функционально-генетическую иерархию славянских языков*, разнуровневыми центрами которой явились два языка - "рѣска отміна" / "херватска отміна":

рѣска отміна:

- рѣско плѣме и јме јест остѣлнимъ всѣмъ вершина и коренїка... Ј сїце не рѣска отміна Словѣнскїе отмінї плодъ: негѡ словѣнска и Чѣска, и Лѣска отміна, Јесѣт рѣского језїка отрѡдки.

- славно рѣско господѣрство... а гди јест краљѣствено дѣло, и нарѡдно законстѣвје, во своѣмъ језїкѣ ұстројено: тамо језїкъ обикѣјетъ битъ обилїни, и ѡтъ дне творитсе стрѡјни

Херватска отміна; Сѣрска отміна:

- Сѣрбљани и Хервѣти сѣт изгѣвїли својѣ дѣдинскѣ весїдѣ... али пакъ то не вездѣи во ұјѣздѣ Дѣвѡвцѣ и Озльѣ и Рѣвнїка остроѡгов... сохранило се јест

Херѣатско и Сѣревско вольѣрство, ј колико јестјош доселі остало старого заѣално-го и чисто҃го изрѣкѣнја...

Уѣска отміна: у Уѣхов језѣк немало закальѣн.

Лѣшка отміна: у Лѣхов половина рѣчѣ јест от ѣних разнѣтих језѣков прим ѣшена.

Болгарска отміна: у Болгар ѣст Уесо искѣт тако во тамо језѣк јест изгубљѣн, да му једѣк слѣд остѣјет. (ГИ, III).

Провозглашенное Ю.Крижаничем генетическое превосходство языка, названного "рѣска отміна", мыслилось им как объективно данное состояние, имевшее глубинную традицию фиксации, т.е. как то, что "давнѣим Грѣцским и Римским писателем јест Бѣло пѣзнно, и четѣтсе въ старѣих кнѣгах напѣсано" (ГИ, I). Данная интерпретация "рѣского језѣка" как языка-основы была мотивирована спецификой бытования общей лингвистической мифологии у южных славян: можно вспомнить, например, К.Костенечского, считавшего основой создания св.Кириллом "общеславянского" языка "тѣнѣиши и краснѣиши рѣцѣскии језѣкѣ". Объективно заданная генетическая значимость "рѣского језѣка" поддерживалась объективной функциональной значимостью, которая проявлялась в государственной защите, так как все государственные дела "на рѣси домѣшним језѣком бѣвајѣт отпѣвлѣна" (ГИ, IV).

Таким образом, "абсолютное" функционально-генетическое превосходство принадлежало "рѣскому језѣку", который понимался Ю. Крижаничем как конкретный язык, напрямую соотнесенный с языком-основой и употреблявшийся в качестве официального языка Русского государства.

Что касается языка, названного "херѣатска отміна", то он обладал лишь локальным "относительным" преимуществом, определяемым субъективными представлениями самого Ю. Крижанича как носителя чакавского диалекта: "старѣје заѣалноје и чистоје изрѣкѣнје...тамо се јест обрѣтало, за мојѣго дѣтѣнства" (ГИ, III).

Предустановленное бесспорное функционально-генетическое главенство "рѣского језѣка" и мотивировало его право стать "общеславянским" литературным языком, т.е. "общим језѣком даѣи от всѣх бѣло разумљено" (ГИ, I). Однако само это право диктовало "рѣскому језѣку" *обязанность* стать структурно совершенным, т.е. обладание *функциональным достоинством* вызвало необходимость обретения *формального достоинства*: "...Нѣједѣн језѣк неѣѣаше ѣзкѣни вѣка, и тѣтже на своѣм поѣятѣкѣ совершѣн. Ј ѣколиже непѣстанѣт језѣк сѣѣ слѣчен, стројѣн, и кѣ разумному кѣму пѣсанјѣ и говорѣнјѣ при҃годѣн, дололи҃год не истѣжитсе" (Об. 29). Априорное "несовершенство" "рѣского језѣка" как любого другого языка, усиливалось, по мнению Ю. Крижанича, специфической *неправильностью*, обусловленной тем, что "сам Рѣскии језѣк на трѣје јест раздѣльѣн. Јест во Рѣскии обѣши, и подлѣннѣ коим на вѣликоѣ Рѣси говорѣят, Бѣлорѣскии кнѣ јест

нѣкое мѣрзко смѣшаніе изъ Русскаго и Лешкаго, и Кнѣижнии, или Прѣводницкии кнѣ тако же јест мѣшанина изъ Грецескаго да Русскаго дрѣвнього” (Об., 28). Именно обширная вариативность, объясняемая дистанцией, существовавшей между книжным (цсл.) и разговорным (русским) языком, а также иноязычным влиянием, привела к тому, что ”до сихъ вримѣн во свѣтомъ божіемъ писмѣ и всѣхъ преводѣхъ нашихъ много јестъ ричѣвъ, а мало разумъ... посемѣу граматично радније... потребно” (ГИ, V).

Необходимое ”граматично радније” мыслилось Ю. Крижаничем как постепенный многоступенчатый процесс, который и отразился в конечном итоге в его лингвистических сочинениях:

критика - ”разсѣужданіе”,

анализ - ”обяснѣеніе” (потребно бѣаше о всѣакомъ прѣвратѣ и зводно докѣзѣти отъ когѣ, како и зашто въ чинѣенъ сѣбѣ прѣвратъ),

фиксация - ”кратка правила” (см.: ”Обяснѣеніе кѣводно о писмѣ Словѣнском”),

”граматика”, данная ”на разсѣужденіе всимъ разумнимъ лѣудемъ”

(см.: граматично изказаніе о рускомъ језику) (Об., 27, 29).

Содержанием процесса, определенного Ю. Крижаничем как ”граматично радније” явилась многоуровневая селекция ”русскихъ” языковых элементов, построенная на оппозиции ”право - чуживат / блѣдно - заврѣчь” и направленная на достижение ”русскимъ језикомъ” генетической, функциональной и структурной ”однопорядковости”.

Поскольку теоретические установки, реализованные в процессе языковой селекции, были имплицированы в материале и не сводились Ю. Крижаничем в единый кодекс, представляется необходимым построить по отдельным ”терминологическим проговоркамъ” теоретический кодекс и согласовать его с современным кодексом, являя тем самым координацию ”внутреннего” и ”внешнего” видения.

Селекция ”русскихъ” языковых элементов (теоретические установки)

”внутреннее видение”		”внешнее видение”	
языковые элементы			
јинихъ језиковъ - своји вимишльени - обичајемъ чкрѣплени особити - обични		иноязычные - исконные неупотребительные - употребительные нестандартные - стандартные	
межу собою сподобни, по избитку	чинјат разлѣченіе, потребни	разрешающие омонимию, синонимию	снимающие омонимию, синонимию

При невозможности достичь "однопорядковости" средствами "ру́ского же́зика" допускалась "поддерживающая" трансляция в "ру́ский же́зик" средств "херва́тского же́зика" как второго по "чистоте" языка, т.е. при доминантном соотношении "ру́ский же́зик" // "херва́тский же́зик" = "правильнее" // "правильно" периферийно проявлялось соотношение "ру́ский же́зик" // "херва́тский же́зик" = "правильно" // "правильнее".

Соединение результатов селекции "ру́ских" языковых элементов и трансляции "херва́тских" языковых элементов должно было привести к образованию единой структуры, минимальна интерлингвальная. гибридность которой может быть определена как "вертикальное соединение" языковых элементов иерархически заданных систем: "русский язык" // [хорватский язык].

Реконструированные теоретические взгляды Ю.Крижанича на природу "общего" славянского литературного языка могут быть верифицированы на конкретном языковом материале, например, на материале имен существительных, наиболее детально представленных в его грамматике.

Демонстрацией проведенного Ю.Крижаничем критического анализа именных форм служат правила-комментарии, представленные во всех грамматических позициях. Применение принципа проблемного конструирования позволяет выявить и систематизировать доминантные правила, подтверждающие общие теоретические взгляды Ю.Крижанича, касающиеся структуры "русского языка" как "общеславянского" литературного языка.

Селекция "русских" языковых элементов (грамматические правила)

"внутреннее видение"	"внешнее видение"
1 правила јних же́зиков - своја правила	правила отношении форм: иноязычные - исконные
Јзкерник јед јмен м. (Лѣхом и Билорѹсјаном обѣчен, а въ словѣнскоѹ рѣчи ска́зѣн и негодѣн јест Јзкерник на ѹ ГИ, 151) дѡм ѹ - дѡма	Р. ед. суш. м. формы на ѹ - а
Орѹдник вн. јмен м., н., ж Придѣвник вн. јмен м., н., ж (Нѣмци и Жѣдови јесѹт ѹ Лѣхов нѣш же́зик мѣрзко ска́зѣли: а Билорѹсјани сѹт того скажѣнја вного зѣкзели: и на сем листѹ ѹнѣт нестерпен прѣврат ГИ, 16): вратами - вратми вратаѹ - вратѣх	Т. мн. суш. м., с., П. мн. суш. м., с., формы на ами - ми формы на ах - ѣх

2 неуживано правило - уживано правило	правила отношения форм: неупотребительные - употребительные
<p>особито претварање от словесе – от слóва ко словеси – ко слóву при словеси – при слóвѣ</p>	<p>Парадигма ед. суш. с. Р. формы на е - а Д. формы на и - ү П. формы на и - ѣ</p>
<p>Јзкерник јед. јмен м. камене – камена пүти – пүта</p>	<p>Р. ед. суш. м. формы на е - а формы на и - а</p>
<p>Јменник вн. јмен м. (конүини на Је и на Е, јесүт згола скáзни и мёрзки ГИ, 10) царје – цари свидáтеле – свидáтели</p>	<p>И. мн. суш. м. формы на је - и формы на е - и</p>
<p>Крозник вн. јмен м. (Мёрзко и блáдно се үтѣт вь нѣкоых мѣстех поста́влено ја или а ГИ, 12) телцá – телци́ (телце́)</p>	<p>В. мн. суш. м. формы на а - и, е</p>
<p>Јменник – Зоеник вн. јмен ж/м. Крозник вн. јмен ж/м. (тако́ва неразли́чного творенја на а илнѣ на а нѣгдеже нист вь об́щем гокоренјү ГИ, 18) от дүша – от дүши вногѣ дүша – вногѣ дүши</p>	<p>Р. ед. суш. ж./м. И. - 3. мн. суш. ж./м. В. мн. суш. ж./м. Р. формы на а - и И. В. формы на а - и</p>
<p>Придивник – Противник јед. јмен ж. (нист пригодно такó бо развѣрање, но пáче всá јмена сего претвора могу́тсе овди конүит на ѣ ГИ, 20) риѣв/стражи – риѣв, стражѣ</p>	<p>П. - Д. ед. суш. ж. формы на ѣ/и - ѣ</p>
<p>3. уживано: а/. особито правило - обично правило</p>	<p>правила отношения форм: нестандартные - стандартные</p>
<p>Противник јед. јмен м. рабови – рабү</p>	<p>Д. ед. суш. м. формы на ови/еви - и</p>
<p>Јменник вн. јмен м. рабове – рави</p>	<p>И. мн. суш. м. формы на ове/еве - и</p>
<p>б/. неразумно правило - разумно правило</p>	<p>разрешающие - снимающие омонимию или синонимию</p>
<p>Придивник јед. јмен н. (да б́дет разност от Јменника и от крозника, кнѣ сь изрикáјет на е ГИ, 26) при лицѣ (е) – при лица</p>	<p>П. ед. суш. с. формы на ѣ - ѣ/и</p>

<p>Јзкерник вл. јмен. м. (смотрицьки џинит сѣн прѣгѣб јменникѹ јединицьномуѹ сподобен. али всѣ јмена правилно се творѣт на ов, и на ев. ГИ, 13-14) раб - рабовѣ</p>	<p>Р. мн. сущ. м. формы на о - ов/ев</p>
<p>орудник вл. јмен. м. пѣрсти - пѣрстим</p>	<p>Т. мн. сущ. м. формы на ѡ/и - ми</p>

"Структурное ослабление" "русского языка", проявлявшееся в невозможности достижения в отдельных позициях "прозрачности", компенсировалось за счет трансляции "хорватских" форм. При этом транслируемая форма предлагалась Ю. Крижаничем как вариант для обсуждения и вводилась не в образец склонения, а в тексты, показывающие потенциальную книжную справку.

Трансляция "хорватских" языковых элементов

А: (грамматические правила)

<p>Крозник вл. јмен. м. (рѹсјани творѣт сѣѹ прѣгѣб на и,и не мѡгут разлѹчѣит Крозникѡ от јменника. сѣѹ прѣгѣб по херватскѹ изхѡдит на е...Ј сице липо се разлѹчѹет от јменника. ГИ, 11 - 12) Повѣли сѹт Пѣрси Тѹрки. (недоѹмно изреѹенје) Повѣли сѹт Пѣрси Тѹрков. (изреѹенје по нѹже) Повѣли сѹт Пѣрси Тѹрке. (изреѹенје без недоѹмја).</p>	<p>В. мн. сущ. м. формы на ов/ев/ѡ/и - е</p>
--	---

В: (книжная справка)

Пс. 50: Возложат на олтар твоѹ телца* - телци* или телце*.

Система форм, получивших в результате проведенного Ю. Крижаничем критического анализа статус правильных форм "русского языка", может быть представлена в итоговой таблице:

Падеж	1,2 склонения	5,6 склонения	3 склонение	4 склонение
	типы брат/крал	типы лито/лице	тип рыба	тип рыч
Ед. ч.				
И.	—	о/е	а	—
З.	ѣ/ѹ	о/е	о	—
В.	а, Ѳ	о/е	ѹ	—
Р.	а	а	и	и
Д.	ѹ	ѹ	ѣ	и
П.	ѣ	ѣ/и	ѣ	и
Т.	ом/ем	ом/ем	ојѹ/ѣјѹ	јѹ

Мн. ч.				
И.	и	а	и	и
В.	и – е	а	и	и
Р.	оѣ/ѣѣ	–	–	ѣѣ
Д.	ом/ѣм	ом/ѣм	ам	ѣм
П.	ѣх	ѣх	ах	ѣх
Т.	ми	ми	ами	ми

Таким образом, предложенная Ю. Крижаничем система именных форм, диагностическими признаками которой были генетическая "чистота", употребительность, стандартность и невариативность, соответствовала теоретическим требованиям, предъявляемым к "простому" литературному языку, призванному служить делу славянского просвещения и конфессионального единения.

Список литературы

¹М. Фуко, *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*, Спб., 1994, с. 319-324.

²Објаснѣнје виѣодно о писмѣ словѣнском // ЖМНП. 1888. XII, (в тексте Об.); граматично исказанје об руском језику, по па Јурка Крижаниѣа, Изд. О.М. Бодянский, М., 1859 (в тексте ГИ).

³Т. Экман, *Грамматический и лексический состав языка Ю.Крижанича*, Dutch Contribution to the 5 International Congress of Slavists, The Hague, 1963, п. 46.

⁴С.А. Белокуров, *Юрий Крижанич в России*, М., 1901, с. 57.